

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

DOI: 10.14515/monitoring.2019.1.03

Правильная ссылка на статью:

Чирун С. Н. Молодежное «АУЕ» как интегральный феномен российского постмодерна // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 1. С. 49—65. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.03>.

For citation:

Chirun S. N. (2019) AUE youth organization as an integrated phenomenon of the Russian postmodernity. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 49—65. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.03>.

С. Н. Чирун МОЛОДЕЖНОЕ «АУЕ»* КАК ИНТЕГРАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН РОССИЙСКОГО ПОСТМОДЕРНА

МОЛОДЕЖНОЕ «АУЕ» КАК
ИНТЕГРАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН
РОССИЙСКОГО ПОСТМОДЕРНА

AUE YOUTH ORGANIZATION AS AN IN-
TEGRATED PHENOMENON OF THE RUS-
SIAN POSTMODERNITY

ЧИРУН Сергей Николаевич — доктор политических наук, доцент кафедры философии и политологии, Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия
E-MAIL: Sergii-Tsch@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0001-7422-8030>

Sergey N. CHIRUN¹ — Dr. Sci. (Polit.), Associate Professor
E-MAIL: Sergii-Tsch@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0001-7422-8030>

¹ Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

Аннотация. В статье проводится анализ неформального молодежного объединения АУЕ («арестантский уклад един») на примере Сибирского федерального округа. Автор опирается преимущественно на неинституциональный и постструктуралистский подходы,

Abstract. The article is devoted to the analysis of the AUE phenomenon (Convict's Codex is Unified) using a Siberian Federal District case study. The author bases the analysis primarily on neo-institutional and post-structuralist approaches. The paper considers non-formal as-

* Организация признана экстремистской и запрещена в РФ с 17.08.2020.

поэтому рассматривает неформальные аспекты функционирования институции АУЕ, сопряженные с отношениями между узлами, формирующими различные формы и модели сетевых интеракций. Исследование обусловлено потребностью в научном анализе и интерпретации, а также выработке путей превенции и локализации данного феномена. Проблема исследования — противоречие между существующими подходами к объяснению феномена АУЕ и невозможностью на их основе выстроить эффективную молодежную политику по превенции данного явления.

Теоретическая база исследования подкреплена эмпирическим материалом, собранным на территории Сибирского федерального округа под руководством автора в сотрудничестве с Фондом «Сибирская политика» в период с 2017 по начало 2018 гг. Эмпирическая часть включает в себя девять фокус-групп, социологический опрос учащихся старших классов ($N = 920$ чел.); фокусированное интервью; экспертный опрос.

Автор аргументирует положение, согласно которому в архитектуре АУЕ присутствуют характеристики сразу трех частично пересекающихся феноменов: криминальной молодежной субкультуры, ризомного молодежного движения, криминальной молодежной организации. Вместе с тем на основе собранных данных, автор доказывает, что феномен АУЕ не может быть полностью отождествлен ни с одним из них.

Ключевые слова: молодежная субкультура, молодежное движение, пост-молодежь, криминальная субкультура, патримониализм, постмодерн, политическая культура, клиентела

pects of the AUE institution functioning related to the relationships between the nodes forming various forms and models of network interactions. The purpose of the study is the need for scientific analysis and interpretation as well as the importance to design ways to prevent and detect this phenomenon. The research problem is the contradiction between today's approaches towards interpretation of the AUE phenomenon and inability to create effective youth policies to prevent it.

The study is founded on empirical material gathered by the author in Siberian Federal District in cooperation with the "Siberian Politics" Foundation in 2017 - early 2018. The empirical part includes 9 focus groups, a survey of high school students (920 respondents), a focused interview and an expert survey.

The author argues that the AUE structure includes three partly overlapping phenomena: criminal youth subculture, rhizomatous youth movement, and criminal youth organization. However, the author proves that the AUE phenomenon cannot be fully identified with any of them.

Keywords: youth subculture, youth movement, post-youth, criminal subculture, patrimonialism, postmodernity, political culture, clientele

Введение

Одной из наиболее острых и общественно значимых проблем, стоящих перед государственной молодежной политикой (ГМП) на уровне регионов Сибири и Дальнего Востока, является проблема молодежной преступности. Установка на изоляцию, социальная пассивность, низкий уровень доверия, жесткая граница между своими и чужими, доминирование в восприятии мира образа «врага» — следствие неприятия сложившейся системы ценностей, а также основных социальных и политических институтов общества.

К числу основных причин, способствующих генезису, идеологизации и институционализации региональной молодежной преступности в формате АУЕ, можно отнести развитую систему пенитенциарных учреждений в Сибири; низкую эффективность ГМП и дефицит информационной безопасности молодежи; системные проблемы в экономике страны; низкий социально-экономический уровень развития большинства регионов Сибири и Дальнего Востока; проблемы молодежной занятости; отсутствие/неэффективность социальных лифтов для молодежи; гибридный характер политического режима.

Среда генезиса и распространения АУЕ

В российской провинции институциональный порядок значительно фрагментирован, публичное пространство характеризуется слабостью институтов социального взаимодействия, низким институциональным доверием и отсутствием практик публичного диалога. Поэтому в разных сегментах социальной системы «проявляются контрастные практики и правила интеракции» [Волков, 2017: 23].

У исследователей возникает все больше оснований для сопоставления реалий российских регионов с институтами феодальных обществ. Например, С. Г. Кордонский исследует сословный характер российского общества [Кордонский, 2008], поместный характер федеративных отношений [Кордонский, 2010], синкретизм политического и экономического [Кордонский, 2007] и другие черты, традиционно приписываемые феодальному типу отношений.

Отечественный корпоративизм характеризуется преобладанием патрон-клиентарных отношений и колоссальным влиянием корпоративных традиций на экономическую и политическую сферы. Это ведет к развитию неформальных практик и институтов. Неоинституционалисты [Олсон, 2012] предложили трактовку института как относительно устойчивого набора правил и организованных практик, инвариантных по отношению к индивидам и устойчивых перед специфическими предпочтениями и ожиданиями. Это конституирующие правила и практики, предписывающие соответствующее поведение для индивидов в тех или иных ситуациях [Панов, 2015]. Таким образом, неоинституционализм ставит в центр внимания практики и инварианты действия, а не формально установленные законодательством нормы. Данное понимание политических институтов отождествляет их с правилами игры как общепринятыми и воспроизводимыми нормами и практиками, помогающими политическим акторам упорядочивать взаимодействия. Тем самым неоинституционализм позволяет сформировать баланс формальных и неформальных норм политического взаимодействия [Мельников, 2018].

Отметим, что с позиции неoinституционализма сама российская гибридная политическая система представляет собой не временное, переходное состояние системы, являющееся следствием ситуации политического транзита, а завершённый этап становления особой конструкции власти, внутри которой могут складываться самые причудливые конфигурации институциональных и внеинституциональных структур и отношений, где неформальные практики образуют институциональное ядро политического порядка, а формальные практики реализуют лишь его внешние проявления [Халилов, 2016: 114—116].

Такого рода процессы неизбежно выводят из национальной экономики значительные финансовые ресурсы, а институционализация «рассеивания» ренты ограничивает способности властей в реализации стратегических целей молодежной политики.

С. В. Патрушев использует термин «клика», под которым понимает неформальное сообщество, объединяющее частных лиц в круг «своих людей», невзирая на их официальные статусы и должности, готовых пренебречь ради данного статуса моральными и правовыми нормами [Патрушев, 2012: 279—296]. Клики делятся на *полутеневые структуры*, в целом действующие в рамках правового поля, но избирательно использующие эти нормы для достижения своих целей и зачастую переступающие через морально-этические ограничения, насаждая традиции, которые укрепляют приоритет негласных принципов и отношений в политическом пространстве; *теневые структуры*, которые действуют за рамками правового пространства, отчетливо демонстрируя свою криминальную природу.

К типичным практикам последних можно отнести рейдерство; захват властных диспозиций в системе государственного управления (покупку депутатских мандатов, ответственных постов); «распил» или возмездное распределение бюджетных средств (выведение государственных средств в офшоры); устранение (в том числе физическое) политических/экономических конкурентов; «крышевание» (негласное патронирование нелегальных секторов экономики).

Российские клики более сильны, чем декларируемые в законодательстве и идеологиях официальные институты [Мартьянов, 2016]. Усиление клик ведет к воспроизводству «институциональных ловушек» — ситуаций, в которых закрепляются равновесные, устойчивые, но нерациональные нормы поведения (не исключая сотрудничество с полукриминальными структурами как реальными игроками на экономических или социальных площадках).

Таким образом, в России сформировалась благоприятная почва для криминализации сознания молодежи. Характерное для современных российских условий рентоориентированное поведение является результатом институционализации полукриминальных экономических отношений, следствием превалирования неформальных практик и игнорирования официальных норм, что в равной мере обусловлено как несовершенством законодательных и правовых норм (сформировавшихся под влиянием заинтересованных игроков), так и морально-этическими характеристиками правящего класса [Мартьянов, 2017].

Искусственно созданный для миллионов молодых россиян дефицит легальных возможностей не просто стал «доходным» способом бюрократически-теневоего управления, но и содействовал криминализации молодежного сознания, поскольку

ку «теневой порядок» вырастает из социально-экономических практик — промыслов [Кордонский, 2007] и закрепляется в обычае.

АУЕ — ризомное движение

Как показывают данные исследований¹, в российских регионах, и в первую очередь регионах Сибири и Дальнего Востока, все большую популярность приобретает сетевое молодежное движение «АУЕ», расшифровывающееся как «арестантский уклад един» или «арестантское уркаганское единство».

В. А. Луков определил молодежное движение как «способ самостоятельного участия молодежи в процессе смены и преемственности поколений, освоения и реализации своей социальной субъектности в соответствии с реальным или желаемым социальным статусом» [Луков, 2012: 443]. Мы же рассматриваем молодежное движение как вид общественного движения, состоящего из молодых активистов, разделяющих общие ценности и цели движения, но не имеющих, как правило, формально закрепленного членства.

Органы власти обратили внимание на АУЕ лишь после совершения воспитанниками коррекционной школы-интерната в Забайкальском крае вооруженного нападения на здание полиции 2 февраля 2016 г.² Развитие криминальных молодежных движений, несущих явно асоциальный и деструктивный посыл, оказывает крайне негативное влияние на социализацию детей и молодежи. Однако сотрудники силовых ведомств склонны скорее недооценивать проблему, они характеризуют движение АУЕ как «модную тенденцию» и «нездоровую романтичность тюремного образа жизни»³. Так, пресс-служба УМВД по Забайкальскому краю заявляет: «С учетом того, что нет организаторов, лидеров АУЕ, нет никакой финансовой поддержки, нет устава... мы делаем вывод о том, что АУЕ как движения не существует»⁴.

Однако известно, что постмодернистские молодежные движения отличает «отсутствие аналогов в стабильных организационно-институциональных элементах политической системы; отсутствие устойчивой структурной зависимости от институтов государственной власти и публичной политики; соотносимость с ризоматическими формами; преобладание сетевых принципов, технологий, методов организации и функционирования» [Чирун, 2016: 20]. Значимым индикатором ситуации постмодерна выступает ризома, представляющая собой матричную общественно-политическую структуру, лишённую жесткой иерархии, ядра и чрезвычайно устойчивую к враждебному воздействию. Молодежные ризомные структуры способны перманентно реорганизовываться и изменять деятельностный вектор,

¹ Проблемы противодействия криминальной субкультуре: сборник статей (материалы Всероссийской научно-практической конференции, состоявшейся 8 декабря 2017 г.) / науч. ред. Ю. В. Хармаев, Э. Л. Раднаева. М.: Юриспруденция, 2018. 296 с. URL: <http://www.jurisizdat.ru/new/intro/CrimSub.pdf> (дата обращения: 01.02.2019).

² Суд ужесточил наказание подросткам, напавшим на отдел полиции в Хилке. URL: <https://www.hilok.ru/index.php/zerkalo-novostej/35-sud-uzhestochil-nakazanie-podrostkam-napavshim-na-otdel-politsii-v-hilke> (дата обращения: 01.02.2019).

³ Прокуратура края назвала деятельность субкультуры АУЕ умеренной. URL: https://zab.ru/news/94451-prokuratura_kraya_nazvala_deyatelnost_subkultury_aue_umerennojekstra (дата обращения: 01.02.2019).

⁴ Тарасов А. Страна из трех букв. АУЕ: Кто стоит за криминализацией подростков, вводит их в преступное пространство, или хроники новой пионерии // Новая газета. 16 июня 2017 г. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/06/16/72816-strana-iz-treh-bukv> (дата обращения: 01.02.2019).

мимикрируя под актуальные социально-политические тренды, подстраиваясь под специфику политической ситуации и ее динамику.

Ризомная структура отличается от традиционных организационных структур тем, что она децентрализована и неиерархична. Если традиционная организация предполагает централизованную систему управления, то ризомная структура состоит из узлов (хабов), между которыми выстраиваются горизонтальные сетевые связи. В этом случае даже управляемое разрушение узлов движения незначительно отразится на его текущем функционале, который через непродолжительный период полностью восстановится. Последнее значительно снижает эффективность воздействия на ризомное движение посредством пенитенциарных инструментов надзора и наказания [Foucault, 1979: 26—27].

Сетевые структуры, формирующиеся в условиях гетерархии постмодерна, представляют собой наиболее перспективный тренд в политике XXI века, когда в качестве общественных акторов все настойчивее действуют индивиды, неформально взаимодействующие в горизонтальных сетевых структурах [Ирхин, 2014: 20]. Последнее представляет собой механизм децентрализованных, неиерархических взаимодействий, интегрирующих интересы и подходы участников взаимодействия, обменивающихся ресурсами в процессе реализации общей цели.

Сети воспринимаются в данном подходе как неформальные институты, которые регулируют внутрисетевые и государственно-общественные взаимодействия.

Отметим, что институты постмодерна — это не застывшая статичная, а динамичная система взаимодействий, формальных и неформальных правил, норм и практик, соответствующих актуальной политической реальности, в которой исследователи отмечают актуальные риски трансформации социальных связей молодежи, связанные с множественными поведенческими девиациями [Козырева, Зверькова, 2017].

В сетевом обществе [Castells, 2009] АУЕ приобрел черты постмодернистского мема — означающего что-то грозное и тайное, прорастающее там, где его совсем не ожидают, и очень устойчивое (вследствие своей ризомной структуры) к распространенным формам борьбы с социальными девиациями.

Идеологической основой сетевого движения АУЕ стал свод неформальных норм [Румянцева, 2017]. Его участники формируют романтическую мифологию преступного мира, агрессивно навязывают свое мировоззрение сверстникам, насаждают в учебных заведениях уголовную идеологию, проецируют во взаимоотношения с окружающими тюремные поведенческие схемы, когда изначальные игровые установки претерпевают трансформацию в процессе их последующей институционализации.

АУЕ — криминальная организация

Несмотря на то, что многие характеристики АУЕ соотносятся с молодежным движением, АУЕ не является в полной мере молодежным движением. Для подтверждения этого тезиса можно использовать следующие аргументы:

1. наиболее статусные позиции в АУЕ занимают те, кто, как правило, уже преодолел границу молодежного возраста (постмолодежь), следовательно, движение не является исключительно молодежным, хотя молодежь в нем статистически преобладает;

2. в АУЕ приняты собственные нормы поведения и ценностные ориентиры, довольно жесткая организационная иерархия, реализация отдельными участниками функций лидера и распределение социальных ролей, также наличие высокоформализованной системы ритуализированных правил и регламентов, что в целом не характерно как для молодежных, так и для любых других движений;
3. формальное вступление в АУЕ нередко является вынужденным, а выход крайне затруднителен и сопряжен с опасностями, что плохо соотносится с представлениями о релятивности границ большинства молодежных движений;
4. участие в организационных структурах АУЕ предполагает фиксацию членства и обязательную «уплату членских взносов» в общак, что также скорее соответствует организации, чем движению.

В АУЕ, как свидетельствуют данные проведенных нами опросов среди экспертов Сибирского федерального округа⁵, значительная часть вовлеченных подростков имеет перманентные контакты с деструктивными агентами социализации — организованными группами, которые учат детей совершать преступления и информируют об отсутствии для них уголовной ответственности. В Кемеровской области, как показали результаты наших фокус-групп, данная технология активно используется для вербовки малолетних наркодилеров-закладчиков. Однако правоохранные органы склонны существенно преуменьшать масштабы проблемы⁶.

Журналист А. Тарасов наглядно демонстрирует технологию вербовки в организацию, используемую активистами АУЕ: «К ребенку, если он достиг возраста пятого-шестого класса, подходят. Обычно их двое, они старше. Заводят разговор... Начинают приветливо, и в то же время напористо... Воровское аргументировано как раз для того, чтобы загнать в ловушку, обмануть и запугать... Старшие обирают младших, те — еще более младших или тащат из дома. Дальше — по накатанной: совершая преступление, подросток идет в спецшколы, воспитательные колонии, там окончательно заражается...»⁷

Наши данные по Кемеровской области показывают, что подростки из депрессивных территорий Кузбасса часто попадают на эту технологию вербовки во многом потому, что не видят для себя в родном регионе реальных возможностей и перспектив⁸.

⁵ Экспертные опросы (а также фокус-группы, социологический опрос учащихся старших классов и фокусированные интервью) проведены в Сибирском федеральном округе под руководством автора в сотрудничестве с Фондом «Сибирская политика» в период с 2017 по начало 2018 гг.

⁶ Федеральная служба исполнения наказаний / Официальный сайт УФСИН России по Забайкальскому краю. URL: <http://www.75.fsin.su/history/istoriya-ufsin/> (дата обращения: 01.02.2019).

⁷ Тарасов А. Страна из трех букв. АУЕ: Кто стоит за криминализацией подростков, вводит их в преступное пространство, или хроники новой пионерии // Новая газета № 63 от 16 июня 2017 г. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/06/16/72816-strana-iz-treh-bukv> (дата обращения: 01.02.2019).

⁸ Анкетный опрос (920 респондентов) проводился среди школьников старших классов (9—11 классы) в городах: Анжеро-Судженск, Белово, Березовский, Калтан, Кемерово, Киселевск, Мариинск, Новокузнецк, Прокопьевск, Тайга, Юрга, в муниципальных районах: Ижморском, Крапивинском, Промышленновском, Таштагольском, Тисульском, Тяжинском, Чебулинском, Яшкинском, а также среди учащихся колледжей, техникумов и училищ в городах Кемерово и Новокузнецке. Расчет ошибки выборки показал, что она не превышает 5% при доверительной вероятности 96%.

В постсоветской России не сформировался свободный конкурентный рынок, а социальные группы образуют систему неравенств по признаку возможностей для рентного доступа, иерархически распределяемого государством [Барсукова, 2015: 33—34]. Критерием иерархии «рентных групп» являются параметры доступа, а также роли и статус в перераспределении национальных ресурсов. Данные проведенных эмпирических исследований свидетельствуют о региональной фрагментации «административного общества» и правовом нигилизме молодежи. Такая ситуация ведет к патрон-клиентарным отношениям, складыванию клиентел, к упованию на «твердый порядок» и к персонификации региональной власти.

Я. В. Ланtratова, ответственный секретарь СПЧ⁹, проводила исследование российских регионов на предмет присутствия в них АУЕ. На основании полученных данных она подготовила доклад для президента РФ по теме: «Работа по профилактике и борьбе с криминализацией подростковой среды», где указала 18 российских регионов, представляющих наибольшую криминогенную опасность для молодежи¹⁰. В обращении к президенту она сообщила, что многие детские учреждения в России уже находятся под влиянием криминальной организации АУЕ¹¹. Особую озабоченность вызывает степень организованности АУЕ, наличие системы управления и активная пропаганда идеологии АУЕ. При этом руководитель региональной АУЕ часто находится в местах заключения, но через своих «менеджеров среднего звена» — «смотрящих» организует неформальные институты управления в школах, детских домах, колледжах и других общеобразовательных учреждениях.

Данные, полученные Фондом «Сибирская Политика» с использованием метода фокус-групп, а также анкетного опроса старших школьников и учащихся ССУЗов, показали, что в этих технологиях квазипрозелитизма значительная роль отводится неформальному институту «вписки», или «посвящения» (посвят), получившему широкое распространение в молодежной среде и активно популяризируемому в социальных сетях.

Во многих образовательных учреждениях институциональные структуры АУЕ осуществляют поборы денег с воспитанников, используя технологии запугивания, провокаций и шантажа. В частности, один их идеологов АУЕ, так называемый вор в законе Георгий Омарович Углава (Тахи), был публично обвинен Дмитрием Ведерниковым, лидером другой ОПГ, в поборах со школьников посредством деятельности региональной системы АУЕ¹².

Проведенные нами исследования показали, что учащиеся, которые относят себя к АУЕ, стараются устанавливать жесткую иерархию и криминальные порядки в учебных заведениях. Явной функцией (целью) такого криминального порядка является

⁹ Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека.

¹⁰ Ответсек совета при президенте России Яна Ланtratова — о развитии гражданского общества в Архангельской области. URL: <https://region29.ru/2017/11/15/5a0ca38612f17bd87841c0c2.html> (дата обращения: 02.03.2019) Ланtratова об АУЕ: Молчать об этом перед главой государства — преступление. URL: <https://www.chita.ru/news/95595/> (дата обращения: 02.03.2019).

¹¹ Михайлов И. Детский омбудсмен включилась в борьбу с АУЕ субкультурой. URL: <http://uralpress.ru/news/federaciya/detskiy-ombudsmen-anna-kuznecova-vklyuchilas-v-borbu-s-aue-subkulturoy> (дата обращения: 01.02.2019).

¹² Тарасов А. Страна из трех букв. АУЕ: Кто стоит за криминализацией подростков, вводит их в преступное пространство, или хроники новой пионерии // Новая газета. 16 июня 2017 г. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/06/16/72816-strana-iz-treh-bukv> (дата обращения: 01.02.2019).

сбор денежных средств в «общак». Но наблюдаются и латентные функции, которые тоже крайне деструктивны и наносят серьезнейший вред психике учащихся.

Существуют и определенные аргументы в пользу признания этого явления тоталитарной сектой. Например, режим АУЕ исключает свободу мнения активистов. Для АУЕ характерны неприемлемость чужих взглядов и агрессивное навязывание своих.

Таким образом, наиболее общественно опасная интегральная составляющая АУЕ представляет собой сложную систему, преступную организацию со своей иерархией, стратегией развития, денежным потоком и другими признаками. Система сборов в «общак» функционирует следующим образом: молодые приверженцы платят ежедневные или ежемесячные взносы, предназначенные для людей, отбывающих наказание сейчас, так что когда они сами попадут в тюрьму, им будут платить деньги такие же российские школьники, каждый из которых хотя бы раз сталкивался с той или иной формой насилия [Сизова, 2016].

Политико-управленческие предпосылки молодежной субкультуры АУЕ

Молодежные субкультуры стали привычным культурным явлением, и общество успело к ним адаптироваться. Сегодня наблюдается рост символической криминализации массового сознания, что находит отражение в молодежной среде и способствует росту молодежной преступности. Однако излишняя концентрация внимания СМИ на медийных субкультурных общностях затрудняет понимание все более усложняющихся взаимоотношений между культурным меньшинством и большинством [Омельченко, 2013: 58].

Наиболее массовое интегральное проявление АУЕ на сегодняшний день представляет собой сформированную молодежную (и частично постмолодежную) субкультуру, особенно популярную в среде старших школьников и учащихся колледжей. Ведь АУЕ — это не только название (аббревиатура), но в первую очередь это маркер, который разделяет своих и чужих, являясь инструментом формирования групповой идентичности. Среди молодежи провинциальных депрессивных городов Сибири и Дальнего Востока принадлежать к субкультуре АУЕ становится «модным трендом», как некогда к хиппи, байкерам и другим субкультурам, существовавшим еще в СССР.

Молодежную субкультуру можно интерпретировать как культуру молодых людей, направленную на их интеграцию в неформальное объединение, с собственными правилами и системой идентичности; частичную культурную систему внутри базовой культуры общества, определяющую стиль жизни, ценностную иерархию и менталитет ее носителей [Левикова, 2006].

Воровские законы и понятия из взрослых криминальных субкультур транслируются в молодежную субкультуру под видом некой постмодернистской «игры», в которой процесс игры становится основной категорией действительности.

Таким образом, по своей сути самая массовая часть АУЕ — это молодежная постмодернистская криминальная субкультура, ориентирующаяся на «понятия воровской жизни». В значительной мере ее популяризацию среди молодежи можно связать с общим кризисом культуры постмодерна, проявляющимся в отсутствии достойных образцов для подражания.

Вместе с тем довольно сложно идентифицировать АУЕ, опираясь лишь на традиционный концепт молодежной субкультуры, поскольку складывающиеся в рамках АУЕ коммуникативные взаимодействия, не будучи жестко прикреплены к универсальному стилистическому нарративу, развиваются вокруг культурных инноваций и практик, могут охватывать стилистически, символически или идеологически разные молодежные группы через приверженность к общим криминальным ценностям, формируя между ними особые отношения солидарности.

С учетом масштабов распространения криминальной молодежной субкультуры проблема приобретает федеральный характер. И здесь отдельного внимания требует роль «тюремного уклада» в формировании социальных норм и культурных традиций социума.

Дело не только в том, что в постсовременной России популярна «тюремная романтика», тиражируемая посредством транслирующих шансон радиостанций и популярных фильмов про заключенных, преступников, воров в законе, в которых облагораживается и пропагандируется криминал. Среди последних такие фильмы, как «Бригада», «NEXТ», «Глухарь», «Карпов», «Ментовские войны» и др. Сюда же можно отнести «тюремную» лексику отдельных представителей власти. Вносят свой вклад журналисты и технологи, использующие уголовный жаргон в репортажах, а также на страницах в социальных сетях: «зашквар», «стукач», «западло»¹³. Формируются административно-управленческие предпосылки криминализации молодежного сознания.

По утверждению Х. Арендт, фанатическая преданность какому-либо тоталитарному учению, которая дает подростку ощущение стабильности, является следствием социальной изоляции и неспособности формировать нормальные человеческие отношения [Арендт, 1996: 422]. Соответственно, криминальное сознание содержит в себе зачатки авторитаризма (который способствует разрушению общественных институтов и социальных связей).

Авторитарная ментальность характерна не только для маргинальной части российской молодежи, но и для значительной части взрослых россиян, радикально настроенных в отношении к субкультурным инновациям, стремящихся в ситуации неопределенности общественных трансформаций держаться за мифические «скрепы» и продолжающих рассматривать молодежь и молодежную политику с позиций ресурсного подхода. Доминирование такого подхода уводит государственную молодежную политику от реальных проблем молодежи, «связанных с расширением бедности, незащищенности, исключением ее из реальных секторов общественной жизни» [Омельченко, 2007: 85].

Криминальную субкультуру отличают типичные авторитарные черты: восприятие общества как системы бинарных оппозиций, потребность в жестких правилах, патологическая нетерпимость к инакомыслию, перекалывание вины на другого и т. д. Субкультура АУЕ опасна не только криминализацией молодежной среды, но и подменой базовых общественных принципов. Например, в среде АУЕ не приветствуются высшее образование и мотивация к восходящей социальной

¹³ Данилин Павел. Запись на личной странице в социальной сети Facebook 12.06.2018. URL: <https://www.facebook.com/danilin.pavel.50/posts/10215660143963899> (дата обращения: 12.06.2018). (На момент публикации статьи контент не доступен. — Примеч. ред.)

мобильности и карьерному росту. Напротив, пропагандируется приобретение профессионального жизненного опыта через пребывание в тюрьме.

Парадоксальным образом идеология АУЕ в этом вопросе солидаризируется с позицией ряда российских чиновников, считающих, что массовизация высшего образования вредна для экономики страны [Бессуднов, Куракин, Малик, 2017: 84]. Тем самым государство не использует в полной мере молодежный ресурс как значимый потенциал инновационного развития [Шмелева, 2018].

Согласно той же логике, многие управленческие решения принимаются исходя не из приоритета права и действующего законодательства, а из принципа «целесообразности» [Моляренко, 2016], а судебная власть активно используется как в конкурентной борьбе номенклатурно-олигархических группировок, так и в качестве защитного механизма, ограждающего президентскую и исполнительную власть от социальных и политических протестов [Нисневич, 2014: 96]. Например, российские суды не заинтересованы в вынесении оправдательных приговоров, поскольку это может поставить под сомнение компетентность работы следственных органов и правомерность доказательной базы. Такая ситуация уже стала причиной того, что фактически сведены на нет оправдательные приговоры.

С точки зрения нового институционализма демократия зависит не только от экономических и социальных условий, но и от дизайна политических институтов. В неонституционализме категориями анализа выступают не только институты, но и акторы, их ресурсы, взаимодействия и стратегии. Так, политическая система создает институциональные механизмы трансформации общественной власти во власть государственную. В данном контексте в государстве формируются публичные общественно-политические сети, но одновременно сохраняются и причины для формирования структур криминального («теневое») характера, которые пытаются использовать легальные формы гражданских объединений для продвижения своих целей и распределения ресурсов [Панов, 2015].

В связи с этим представляет интерес сама типология политического порядка постсоветской России. Так, А. Д. Хлопин разработал концепцию «социума клик» [Хлопин, 2011], на основе которой С. В. Патрушев аргументировал кликократический тип российского политического порядка [Патрушев, 2012: 287]. В данном контексте важно отметить, что правящий режим способен выстраивать модель «ручного управления», при которой роль формальных институтов и практик значительно снижается, как и интерес к традиционной политической активности [Омельченко, 2014: 4].

К инструментам «ручного управления» можно отнести:

- системы взаимодействий между патроном и клиентами, не ограниченные лишь формально-институциональными моделями;
- теневые формы управления, обусловленные заинтересованностью в искусственном снижении уровня легальной конкуренции;
- институционально нормативную неопределенность, обуславливающую потребность в заполнении правовых лакун;
- реализацию теневых форм ротации и кооптации в аппарат управления; использование административной ренты, конвертацию административно-управленческих ресурсов в ресурсы экономические;

— избирательное (телефонное) правоприменение и двоякое толкование законов.

В рамках правящего режима сетевое взаимодействие политико-управленческого типа, сопряженное со слабыми возможностями гражданского (институционального) контроля, в основном ориентировано на интересы доминирующих элитарных коалиций. Бенефициаром в данном случае выступает правящий режим. Гибридный характер политического режима предполагает использование как формальных, так и неформальных институтов в качестве инструмента легитимации и удержания властных позиций авторитарным лидером [Морозова, Мирошниченко, Рябченко, 2017: 7].

В этих условиях реальная власть поделена между кланами и кликами, которые представляют сети межличностных коммуникаций, сформированных как на семейно-родственной основе, так и на основе дружественных связей, иногда даже не связанных со служебными отношениями. Примечательно, что среди факторов достижения успеха молодые респонденты, участвующие в социологическом опросе, указали прежде всего именно полезные связи [Вишневский, Нархов, 2017: 42]. Кланов скрываются за публичными политическими институтами, на деле оказываясь реальной движущей силой в принятии политических решений в силу необходимой ресурсной обеспеченности, что позволяет им выступать опорой правящего режима на региональном и федеральном уровнях.

В ходе исследования нам доводилось сталкиваться с гипотетическим мнением отдельных экспертов о высоком протестном потенциале криминальной субкультуры. Они утверждали, что склонность к неприятию системы власти якобы способна привести молодых людей, идентифицирующих себя как АУЕ, к политическому протесту. Как известно, «в любом обществе молодые всегда рассматривались радикальнее других возрастных групп» [Омельченко, Андреева, 2015: 25]. Однако в целом наши исследования свидетельствуют, что, несмотря на крайнюю асоциальность криминальной субкультуры АУЕ, она не является асистемной (по отношению к политической системе) и настроена враждебно как раз к оппозиционным молодежным движениям и «протестным» группам.

Наши данные по Кемеровской области подтверждают мнение исследователей, считающих, что повстанческий потенциал отсутствует у криминальных групп. Более того, многие из них имеют склонность к сотрудничеству с силовыми структурами, что особенно отчетливо проявляется при наличии в «силовой среде» коррумпированных элементов. Такое взаимодействие нередко используется криминалом, чтобы иметь возможность утвердиться в качестве экономического игрока и продолжать преступную деятельность без помех [Hazen, 2010]. Также, согласно нашим исследованиям, в Кузбассе активисты и сторонники АУЕ в большинстве случаев деполитизированы, меньшинство же разделяется на сторонников В. Путина (но не «Единой России») и В. Жириновского.

Таким образом, если молодые сторонники АУЕ и готовы поддержать какие-либо политические силы, то это будет консервативно-охранительный экстремизм, направленный на сохранение авторитарных (гибридных) институтов. В этом случае экспансия маргинального образа жизни объясняется самой общественной структурой [Олейник, 2017]. В ситуации, когда даже имитационная демократия ста-

новится избыточной и чреватой рисками, ускоряется превращение властвующих групп в сословие — закрытое и находящееся вне зоны действия правовой системы.

В такой ситуации наличие криминализированного консервативного большинства, поддерживающего курс правящего гибридного режима, находится в общем поле воздействия «рентной экономики», выстроенный механизм которого генерирует атмосферу «рентного конформизма» — источника той парадоксальной стабильности, которая служит социальной опорой российской государственной власти.

Список литературы (References)

Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М. : ЦентрКом. 1996. 672 с.

Arendt H. (1996) *The Origins of Totalitarianism*. Moscow: TsentrKom. 672 p. (In Russ.)

Барсукова С. Ю. Развитая неформальность в развивающихся странах // Эссе о неформальной экономике, или 16 оттенков серого. М. : Изд. дом Высшей школы экономики. 2015. С. 22—36. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1549-5>.

Barsukova S. Yu. (2015) Developed Informality in Developing Countries. In: *Essays on Informal Economy, or Sixteen Shades of Grey*. M.: Publishing House of HSE. P. 22—36. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1549-5>.

Бессуднов А. Р., Куракин Д. Ю., Малик В. М. Как возник и что скрывает миф о всеобщем высшем образовании // Вопросы образования / Educational Studies. 2017. № 3. С. 83—109. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2017-3-83-109>.

Bessudnov A. R., Kurakin D. Yu., Malik V.M (2017) The Myth about Universal Higher Education: Russia in the International Context. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*. No. 3. С. 83—109. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2017-3-83-109>.

Вишневецкий Ю. Р., Нархов Д. Ю. Какое общество является справедливым: мнение свердловских студентов // Социологические исследования. 2017. № 5. С. 35—46. Vishnevsky Yu. R., Narkhov D. Yu. (2017) What Society is Just: Views of Sverdlovsk Region Students. *Sociological Studies*. No. 5. P. 35—46. (In Russ.)

Волков Ю. Г. Приватное пространство: опыт социологической рефлексии солидаристского потенциала новой социальной реальности // Социологические исследования. 2017. № 12. С. 20—29. <https://doi.org/10.7868/S0132162517120030>. Volkov Yu. G. (2017) Private Space as a Research Problem of Sociological Reflection of the Solidarist Potential for New Social Reality. *Sociological Studies*. No. 12. P. 20—29. (In Russ.) <https://doi.org/10.7868/S0132162517120030>.

Ирхин Ю. В. Постмодернистская методология анализа и проектирования политики // Вестник РГГУ. Серия «Политология. Социально-коммуникативные науки». № 1 (123). 2014. С. 13—26.

Irkhin Yu. V. (2014) Postmodernist Methodology of Analyzing and Projecting Politics. *RSUH/RGGU Bulletin. Series: Political Science. Social and Communicative Studies*. No. 1(123). P. 13—26. (In Russ.)

Козырева Л. Д., Зверькова С. А. Трансформация социальных связей молодежи в информационном обществе // Социодинамика. 2017. № 4. С. 94—104. <https://doi.org/10.7256/2409-7144.2017.4.22732>.

Kozyreva L. D., Zverkova S. A. (2017) Transformation of the Social Ties of Youth in Information Society. *Sociodynamics*. No. 4. P. 94—104. (In Russ.) <https://doi.org/10.7256/2409-7144.2017.4.22732>.

Кордонский С. Г. Ресурсное государство : сб. статей. М. : REGNUM. 2007. 108 с.
Kordonsky S. G. (2007) Resource State: a Collection of Articles. Moscow: REGNUM. 108 p. (In Russ.)

Кордонский С. Г. Сословная структура постсоветской России. М. : Институт Фонда «Общественное мнение». 2008. 216 с.

Kordonsky S. G. (2008) The Estate Structure of the Post-Soviet Russia. Moscow: Public Opinion Foundation. 216 p. (In Russ.)

Кордонский С. Г. Россия. Поместная федерация. М. : Европа. 2010. 312 с.

Kordonsky S. G. (2010) Russia. The Local Federation. Moscow: Europe. 312 p. (In Russ.)

Левикова С. И. О готах, готике и больном российском обществе // Общественные науки и современность. 2006. № 4. С. 155—166.

Levikova S. I. (2006) About the Goths, Gothic and Sick Russian Society. *Social Sciences and Contemporary World*. No. 4. P. 155—166. (In Russ.)

Луков Вал. А. Теории молодежи: Междисциплинарный анализ: науч. монография. М.: Канон, 2012. 528 с.

Lukov Val. A. (2012) Youth Theories: Interdisciplinary Analysis: Scientific. monograph. Moscow: Canon. 528 p. (In Russ.)

Мартьянов В. С. Российский политический порядок в рентно-сословной перспективе // Полис. 2016. № 4. С. 81—99. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.08>.

Martianov V.S (2016) Russian Political Regime in the Rent-estate Perspective. *Polis. Political Studies*. No 4. P. 81—99. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.08>.

Мартьянов В. С. Наше рентное будущее: глобальные контуры общества без труда? // Социологические исследования. 2017. № 5. С. 141—153.

Martianov V. S. (2017) Our Rental Future: Global Outlines OF A Labourless Society? // *Sociological Studies*. No. 5. P. 141—153. (In Russ.)

Мельников К. В. Неопатримониализм: классификация как способ преодоления концептных натяжек // Полис. Политические исследования. 2018. № 2. С. 68—81. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.02.06>.

Melnikov K. V. (2018) Neopatrimonialism: Classification as a Way of Overcoming the Conceptual Stretching. *Polis. Political Studies*. No. 2. P. 68—81. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.02.06>.

Моляренко О. А. Теневое государственное и муниципальное управление // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 3. С. 120—133. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.3.06>.

Molyarenko O. A. (2016) Shadow Public Administration. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 120—133. (In Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.3.06>.

Морозова Е. В., Мирошниченко И. В., Рябченко Н. А. Гибридные институты и неформальные политические практики // Человек. Сообщество. Управление. 2015. № 4. С. 6—26.

Morozova E. V. Miroshnichenko I. V., Ryabchenko N. A. (2015.) Hybrid Political Institutions: Revisiting the Issue of Typologization. *Human. Community. Management*. No. 4. P. 6—26. (In Russ.)

Нисневич Ю. А. Правящая номенклатура сегодня: «захват государства» // Общественные науки и современность. 2014. № 5. С. 88—97.

Nisnevich Yu. A. (2014) The Ruling Nomenclature Today: The Seizure of the State. *Social Sciences and Contemporary World*. No. 5. P. 88—97. (In Russ.)

Олейник А. Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М.: Инфра-М. 2001. 418 с.

Oleynik A. N. (2001) Prison Subculture in Russia: from Everyday Life to State Power. Moscow: Infra—M. 418 p. (In Russ.)

Олсон М. Власть и процветание: перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры. М.: Новое издательство. 2012. 212 с.

Olson M. (2012) Power and Prosperity: Outgrowing Communist and Capitalist Dictatorships. Moscow: New Publishing House. 212 p. (In Russ.)

Омельченко Е. Л. Молодежь России: из XX в XXI век // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2007. № 3 (8). С. 82—87.

Omelchenko E. L. (2007) Russian Youth: from the 20th to the 21st Century. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*. No. 3 (8). P. 82—87. (In Russ.)

Омельченко Е. Л. Солидарности и культурные практики российской молодежи начала XXI века: теоретический контекст // Социологические исследования. 2013. № 10. С. 52—61.

Omelchenko E. L. (2013) Solidarity and Cultural Practices of Youth in the Early Twenty First Century: Theoretical Context. *Sociological Studies*. No. 10. P. 52—61. (In Russ.)

Омельченко Е. Л. От субкультур — к солидарностям и назад к субкультурам? Споры о терминах и этнография молодежной социальности // Этнографическое обозрение. 2014. № 1. С. 3—7.

Omelchenko E. L. (2014) From Subcultures to Solidarities and Back to Subcultures? Debates on Terms and the Ethnography of Youth Sociality. *Etnograficheskoe obozrenie*. No. 1. С. 3—7. (In Russ.)

Омельченко Е. Л., Андреева Ю. В. Солидарный подход к анализу радикально настроенных молодежных групп // Образование личности. 2015. № 1. С. 20—27.

Omelchenko E. L., Andreeva Yu. V. (2015) A Joint Approach to the Analysis of Radical Youth. *Personality Formation*. No. 1. P. 20—27. (In Russ.)

Панов П. В. Институционализм(ы): объяснительные модели и причинность // Полис. Политические исследования. 2015. № 3. С. 39—55. <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.03.09>.

Panov P. V. (2015) Institutionalism (s): Explanatory Models and Causality. *Polis. Political Studies*. No. 3. P. 39—55. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.03.09>.

Патрушев С. В. Кликократия как институциональная проблема российской модернизации // Власть и политика: институциональные вызовы XXI века. Политическая наука: Ежегодник 2012 / Российская ассоциация политической науки ; гл. ред. А. И. Соловьев. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2012. С. 279—296.

Patrushev S. V. (2012) Klykokratiya as an institutional problem of Russian modernization // Power and Politics: Institutional Challenges of the 21st Century. Political Science: Yearbook 2012 / Russian Association of Political Science; Ch. Ed. A. I. Soloviev. Moscow: The Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). P. 279—296. (In Russ.)

Румянцева Е. Е. Пробелы российского антикоррупционного законодательства и негласные правила борьбы с коррупцией // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2017. № 3. С. 116—127. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.3.08>.

Rumyantseva E. E. (2017) Gaps in the Russian anti-corruption legislation and unspoken rules for fighting corruption. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Change*. No. 3. P. 116—127. (In Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.3.08>.

Сизова И. Л. Социокультурные факторы эскалации насилия в российской школе // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2016. № 2. С. 185—192. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.2.11>.

Sizova I. L. (2016.) Sociocultural Factors of the Escalation of Violence in the Russian School. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 185—192. (In Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.2.11>.

Халилов Т. А. Баланс формальных и неформальных практик политического взаимодействия власти и бизнеса в постсоциалистической России // Власть. 2016. № 9. С. 114—116.

Khalilov T. A. (2016.) The Balance of Formal and Informal Practices of Political Interaction between Power and Business in Post-Socialist Russia. *The Power*. No. 9. P. 114—116. (In Russ.)

Хлопин А. Д. Социум клик как российский тип социальной организации // Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка. М. : Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2011. С. 68—76.

Khlopin A. D. (2011.) Social click as a Russian type of social organization. In: *Citizens and political practices in modern Russia: the reproduction and transformation of the institutional order*. Moscow: RAPS, ROSSPEN. P. 68—76. (In Russ.)

Чирун С. Н. Молодежная политика в состоянии постмодерна: государство, власть, общество : дис. ... д-ра. полит. наук : 23.00.02. Казань : Казанский (Приволжский) федеральный университет (КФУ). 2016. 430 с.

Chirun S. N. (2016) Youth policy in a postmodern state: the state, power, society: dis. ... dr. polit. sciences: 23.00.02. Kazan: Kazan (Privolzhsky) Federal University. 430 p. (In Russ.)

Шмелева Е. В. Одаренная молодежь и развитие новых образовательных технологий как политическая проблема // Полис. Политические исследования. 2018. № 2. С. 29—36. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.02.03>.

Shmeleva E. V. (2018) The Gifted Youth, and Development of New Educational Technologies as a Political Problem. *Policy. Political Studies*. No. 2. P. 29—36. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.02.03>.

Hazen J. (2010) Understanding Gangs as Armed Groups. *International Review of the Red Cross*. No. 8. P. 369—386. <https://doi.org/10.1017/S1816383110000378>.

Foucault M. (1979) *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. N.Y.: Vintage Books. 333 p.

Castells M. (2009) *The Rise of the Network Society. Information Age*. Vol. 1. 2nd Edition with a New Preface edition. Malden, MA; Oxford, UK: Wiley-Blackwell. 656 p.